Роберт
ХАЙНЛАЙН

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ

ЗЕЛЕНЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

Robert A. Heinlein

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

Зелёные холмы Земли
Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт А. Хайнлайн. Зелёные холмы Земли

Аннотация

Слепой Райслинг прославился на всю Систему своими эпическими одами Космосу и его Покорителям.

Но тот образ Райслинга, который вы знаете, наверняка, не имеет никакого отношения к действительности. Кроме пары деталей.

© Puffin Cafe

Роберт А. Хайнлайн
Зелёные холмы Земли

Это история о Райслинге, Слепом Певце Космических Дорог… Разве что — не официальная версия.

В школе вы пели его слова:

А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли.

Возможно, что пели вы по-французски или по-немецки. А может, это было эсперанто, и над вашей головой рябило радужное знамя Терры.

Какой язык — не важно… но что точно — земной язык. Никто не переводил «Зеленые холмы» на шепелявую венерианскую речь; ни один марсианин не каркал и не вышептывал их в длинных сухих коридорах. Эти стихи — наши. Мы с Земли экспортировали все — от голливудских «мурашек по коже» до синтетических актиноидов, но «Холмы» принадлежали исключительно Терре, ее сыновьям и дочерям, где бы они ни находились.

Все слышали множество историй про Райслинга. Может, вы даже из тех, кто снискал степени или шумно приветствовал ученую оценку его опубликованных сборников, таких, как «Песни космических дорог», «Большой канал и другие

поэмы», «Выше и дальше» и «Кораблю — взлет!»

Но хотя вы и еще со школы пели его песни и читали его стихи, ставлю один к одному, что никогда вы не слышали таких, как «С той поры, как Чпок-Толкач повстречал мою кузину», «Моя рыжая мочалка из ангаров Венусбурга», «Покрепче, шкипер, держи штаны» или «Мой скафандр для двоих».

Вряд ли стоит цитировать эти вирши в семейном журнале.

Репутацию спасли Райслингу осторожный литературный душеприказчик и удивительное везение: никто никогда не брал у него интервью. «Песни космических дорог» появились через неделю после его смерти, и когда они стали бестселлером, то официальную историю свинтили из того, что о нем хоть кто-нибудь помнил, плюс знойные рекламные тексты издательств.

В итоге классический портрет Райслинга достоверен примерно также, как томагавк Джорджа Вашингтона или лепешки короля Альфреда.

Честно говоря, у вас не возникло бы желания пригласить его к себе в гости: в обществе он был несъедобен. У него была хроническая солнечная чесотка, и он непрерывно скребся, ничем не преумножая и без того более чем неприметную

красоту.

Портреты работы Ван дер Воорта для харримановского юбилейного издания Райслинговых сочинений представляет человека высокой трагедии: суровый рот, невидящие глаза под черной шелковой повязкой. Да не был он никогда суровым! Рот его всегда был распахнут: поющий, ухмыляющийся, пьющий или жрущий. Повязкой служила любая тряпка, обычно грязная. С тех пор, как Райслинг потерял зрение, он все меньше и меньше заботился об опрятности собственной персоны.

«Шумный» Райслинг был джетменом второго класса — с глазами не хуже ваших, — когда имел неосторожность наняться на круговой рейс к астероидам в окрестностях старика Джови на КК «Тетеревятник». В те дни наемные экипажи не отягощались ничем; общество Ллойда расхохоталось бы вам в лицо при упоминании о страховке космонавта. Об Актах по космической безопасности и не слыхивали, а Компания отвечала лишь за оплату — если и когда. Так что половина кораблей, ушедших за Луна-Сити, так и не вернулась. Космонавты не ведали осторожности; и охотнее всего подряжались за акции, причем любой из них держал бы пари, что сможет сига-

нуть с двухсотого этажа Харримановской башни и благополучно приземлиться, если вы, конечно, предложите три к двум и позволите нацепить резиновые каблуки.

Джетмены были самыми беспечными из всей корабельной братии, но и самыми вредными. По сравнению с ними мастера, радисты и астрогаторы (в те дни еще не было ни суперов ни стюардов) были изнеженными вегетарианцами. Джетмены знали слишком много. Многие доверяли способностям капитана благополучно опустить корабль на землю; джетмены знали, что это искусство беспомощно против слепых и припадочных дьяволов, закованных в двигатели.

«Тетеревятник» был первым из харримановских кораблей, переведенных с химического топлива на ядерный привод… вернее, первым, который не взорвался при этом. Райслинг хорошо знал этот корабль — это была старая лоханка, приписанная к Луна-Сити и курсировавшая по маршруту от орбитальной станции Нью-Йорк-Верх к Лейпорту и обратно — пока ее не перепаяли для глубокого космоса. Райслинг работал на ней и на маршруте Луна-Сити, и во время первого глубокого рейса к Сухим Водам на Марс и — ко всеобщему изумлению — обратно.

К тому времени, как он нанялся на юпитерианский круговой рейс, ему следовало бы стать главным инженером, но после Суховодного пионерского его вышибли, внеся в черный список, и высадили в Луна-Сити за то, что вместо слежения за приборами он провел время, сочиняя припев и несколько строф. Песенка была препакостная: «Шкипер — отец своему экипажу» с буйно-непечатным последним куплетом.

Черный список его не волновал. В Луна-Сити у китайского бармена он выиграл аккордеон, смошенничав на один палец, и продолжал существовать дальше пением для шахтеров за выпивку и чаевые, пока быстрый расход космонавтов не заставил местного агента Компании дать ему еще один шанс. Год-другой он подержал нос в чистоте на Лунном маршруте, вернулся в глубокий космос, помог Венусбургу приобрести зрелую репутацию, давал представления на пляжах Большого канала, когда в древней марсианской столице возникла вторая колония, ну и отморозил уши и пальцы ног во втором рейсе на Титан.

В те дни все делалось быстро. Раз уж двигатели на ядерном приводе пришлись ко двору какому-то количеству кораблей, выход из системы

Луна-Терра зависел лишь от наличия экипажа. Джетмен был редкой птахой: защита урезалась до минимума, чтобы сэкономить на весе, и женатые мужчины не часто имели желание рисковать на радиоактивной сковородке. Райслинг в папаши не собирался, так что в золотые деньки бума заявок на него всегда был спрос. Он пересек и перепересек систему, распевая вирши, кипящие у него в голове, и подыгрывая себе на аккордеоне.

Мастер «Тетеревятника» его знал: капитан Хикс был астрогатором во время первого рейса Райслинга на этом корабле.

— Добро пожаловать домой, Шумный, — приветствовал он Райслинга. — Ты трезв или мне самому расписаться в книге?

— Шкипер, как можно надраться местным клопомором? Он расписался и пошел вниз, волоча аккордеон. Десятью минутами позже он вернулся.

— Капитан, — заявил он мрачно, — барахлит второй двигатель. Кадмиевые поглотители покорежены.

— При чем здесь я? Скажи чифу.

— Я сказал, но он уверяет, что все будет о'кей. Он ошибается. Капитан указал на книгу.

— Вычеркивай свое имя и вали отсюда. Через

тридцать минут мы поднимаем корабль.

Райслинг посмотрел на него, пожал плечами и снова пошел вниз.

До спутников Юпитера пилить долго; керогаз класса «ястреб», прежде чем выйти в свободный полет, обычно продувается три вахты. Райслинг держал вторую. Глушение реактора в те времена производилось вручную с помощью масштабного верньера и монитора контроля опасности. Когда прибор засветился красным, Райслинг попытался подкорректировать реактор безуспешно.

Джетмены не ждут — потому они и джетмены. Он задраил заглушку и взялся выуживать «горячие» стержни щипцами. Погас свет, Райслинг продолжал работу. Джетмен обязан знать машинное отделение, как язык знает зубы.

Райслинг мельком глянул поверх свинцового щита в тот момент, когда погас свет. Голубое радиационное свечение ему ничуть не помогало; он отдернул голову и продолжал удить на ощупь.

Закончив работу, он воззвал в переговорную трубу:

— Второй двигатель накрылся. И, задницы куриные, дайте сюда свет!

Свет там был — аварийная цепь, — но не для него. Голубой радиационный мираж был послед-

ним, на что отреагировал его зрительный нерв.

Пока Пространство и время, крутясь, ставят звездный балет,

Слезы преодоленных мук серебряный сеют свет.

И башни истины, как всегда, охраняют Большой канал,

Никто отраженья хрупкие их не тронул, не запятнал.

Народа уставшего плоть и мысль сгинули без следа,

Хрустальные слезы былых богов вдаль унесла вода,

И в сердце Марса не стало сил, и хладен простор небес,

И воздух недвижимый пророчит смерть тем, кто еще не исчез…

Но Шпили и Башни в честь Красоты слагают свой мадригал,

Придут времена, и вернется она сюда, на Большой канал!

(Из сборника «Большой канал», с разрешения «Люкс Транскрипшин, Лтд», Лондон и Луна-сити.)

На обратной петле Райслинга высадили на Марс в Сухих Водах, ребята пустили шляпу по кругу, а шкипер сделал взнос в размере двухнедельного заработка. Вот и все. Финиш. Еще один космический боз, которому не посчастливилось рассчитаться сразу, когда сбежала удача. Один зимний месяц — или около того — он просидел в Куда-Дальше? с изыскателями и археологами и, вероятно, смог бы остаться навсегда в обмен на песни и игру на аккордеоне. Но космонавты умирают, если сидят на месте; он заполучил место на краулере до Сухих Вод, а оттуда — в Марсополис.

Во времена расцвета столица была хороша; заводы окаймляли Большой канал по обоим берегам и мутили древние воды мерзостью отходов. И так было до тех пор, пока Трехпланетный договор не запретил разрушение древних руин во благо коммерции; но половина стройных сказочных башен была срыта, а оставшиеся приспособлены под герметические жилища землян.

А Райслинг так и не увидел этих перемен, и никто не сказал ему о них; когда он вновь «увидел»

Марсополис, он представил его прежним, таким, каким город был до того, как его рационализировали для бизнеса. Память у Райслинга была хорошей. Он стоял на прибрежной эспланаде, где предавались праздному покою великие Марсианской Древности, и видел, как красота эспланады разворачивается перед его слепыми глазами — льдисто-голубая равнина воды, не движимая прибоем, не тронутая бризом, безмятежно отражающая резкие яркие звезды марсианского неба, а за водой — кружево опор и летящие башни гения, слишком нежного для нашей громыхающей, тяжелой планеты.

В результате возник «Большой канал».

Неуловимая перемена в миропонимании, давшая ему возможность видеть красоту Марсополиса — где красоты больше не было, — повлияла не всю его жизнь. Все женщины стали для него прекрасными. Он знал их по голосам и подгонял внешность под звук. Ведь гадок душой тот, кто заговорит со слепым иначе, чем ласково и дружелюбно; сварливые брюзги, не дающие мира мужьям, даже те просветляли голоса для Райслинга.

Это населяло его мир красивыми женщинами и милосердными мужчинами. «Прохождение тем-

ной звезды», «Волосы Вероники», «Смертельная песня вудсовского культа» и прочие любовные баллады были прямым следствием того, что его помыслы не были запятнаны липовыми мишурными истинами. Это делало его пробы зрелыми, превращало вирши в стихи, а иногда даже в поэзию.

Теперь у него была масса времени для размышлений, времени, чтобы точнее подбирать слова и трепать стихи до тех пор, пока они как следуют не споются у него в голове. Монотонный ритм «Реактивной песни» пришел к нему не когда он сам был джетменом, а позже, когда он путешествовал на попутках с Марса на Венеру и просиживал вахту со старым корабельным товарищем.

Когда все чисто, сдан отчет, вопросов больше нет,

Когда задраен шлюз, когда нам дан зеленый свет,

Зарплата — в норме, Бог — в душе, дорога — в никуда,

Когда кивает капитан, и грянул взлет, тогда

Верь двигателям!

Слушай рев,

Познай крушенье основ.
Почуй на твердой койке,
Что потроха все — в стойке,
Познай безумной дрожи власть,
Познай ракеты боль и страсть.
Познай экстаз ее! Отпад!
Стальные конусы торчат,
В них — двигатели!

В барах Венусбурга он пел новые песни и кое-что из старых. Кто-нибудь пускал по кругу шапку; она возвращалась с обычной выручкой менестреля, удвоенной или утроенной в знак признания доблести духа, скрытого за повязкой на глазах.

Это была легкая жизнь. Любой космопорт был ему домом, любой корабль личным экипажем. Ни одному шкиперу не приходило в голову отказаться поднять на борт лишнюю массу слепого Райслинга и помятого ящика с аккордеоном; Райслинг мотался от Венусбурга до Лейпорта, Сухих Вод, Нью-Шанхая и обратно, когда скулеж начинал доставать его.

Он никогда не приближался к Земле ближе орбитальной станции Нью-Йорк-Верх. Даже подписывая контракт на «Песни космических дорог»,

он сотворил свою закорючку в пассажирском лайнере где-то между Луна-сити и Ганимедом. Горовиц, первый его издатель, проводил на борту второй медовый месяц и услышал пение Райслинга на корабельной вечеринке. Горовиц на слух узнавал достойное для издательского дела; полный состав «Песен» был напет прямо на пленку в радиорубке того же корабля, прежде чем Горовиц позволил Райслингу исчезнуть с горизонта. Следующие три тома были выжаты из Райслинга в Венусбурге, куда Горовиц заслал своего агента, чтобы держал Райслинга под градусом, пока тот не спел все, что вспомнил.

«Взлет!» — не совсем подлинный Райслинг. Многое, без сомнения, принадлежит Райслингу, а «Реактивная песня» несомненно его, но большую часть стихов собрали после его смерти у людей, которые знали его во времена странствий.

«Зеленые холмы Земли» рождались двадцать лет. Самый ранний известный нам вариант был сочинен на Венере во время запоя с кем-то из подконтрактных приятелей еще до того, как Райслинг ослеп. В основном стихи были про то, что намеревались наемные работяги сотворить на Земле, если и когда они ухитрятся оплатить все роскошества и позволят себе все же уехать

домой. Некоторые строфы были вульгарны, некоторые — нет, но припев был явно тот же, что и в «Зеленых холмах».

Мы точно знаем, откуда и когда пришла окончательная версия «Зеленых холмов».

Это произошло на Венере, на корабле с острова Эллис, предназначенного для прямого прыжка к Великим Озерам, Иллинойс. Кораблем был старый «Сокол» — самый юный в классе «ястреб» и первый примененный Харримановским Трестом для новой политики транспортного обслуживания пассажиров экстра-класса на трассах с движением по расписанию между земными городами и любой колонией.

Райслинг решил прокатиться на нем верхом до Земли. Может, его собственная песня влезла ему под шкуру… а может, он просто возжаждал увидеть еще разок родное плато Озарк.

Компания больше не закрывала глаза на безбилетников; Райслинг это знал, но ему никогда не приходило в голову, что правила могут относиться к нему самому. Он старел — для космонавта, — но это никак не могло сказаться на его привилегиях. Они были непреходящи — просто Райслинг знал, что он одна из достопримечательностей космоса наряду с кометой Галлея,

Кольцами и грядой Брюстера. Он зашел через люк для экипажа, спустился на нижнюю палубу и устроил себе логово на первой же пустой противоперегрузочной койке.

Там его обнаружил капитан, делавший на последней минуте обход корабля.

— Ты что здесь делаешь? — вопросил он.

— Тащусь на Землю, капитан, — Райслингу не требовались глаза, чтобы различить четыре капитанские нашивки.

— Но только не на этом корабле — ты знаешь правила. Живо сворачивайся и катись отсюда. Мы поднимаем корабль.

Капитан был молод; он всплыл уже после активной зоны Райслинговой жизни, но Райслинг знал этот тип — пять лет в Харриман-Холле с курсантской практикой на одном-единственном рейсе вместо крепкого опыта на рейсах в Системе. Двое мужчин не имели ничего общего ни по происхождению, ни по духу: космос менялся.

— Ну, капитан, вы же не поскупитесь на путешествие домой для старого человека.

Офицер замешкался — несколько человек экипажа остановились послушать.

— Я не могу этого сделать. «Меры Космической Безопасности, статья шестая: никому не следует

выходить в космос, кроме имеющих на то разрешение членов экипажа зафрахтованного корабля или оплативших проезд пассажиров данного корабля в соответствии с уставом, вытекающим из данных правил». Вставай и выметайся.

Райслинг развалился на койке, заложив руки за голову.

— Меня вынуждают уйти, но будь я проклят, если пойду сам. Несите.

— Мичман! Уберите этого человека.

Корабельный полицейский уставился на верхнюю распорку.

— Не могу сделать этого должным образом, капитан. Я потянул плечо.

Прочие члены экипажа, присутствовавшие мгновением раньше, слились по цвету с переборкой.

— Ладно, позовите рабочую команду!

— Ай-ай, сэр, — полицейский тоже ушел.

Вновь заговорил Райслинг:

— Послушай, шкипер… давай без каких-то там обид. У тебя есть лазейка, если хочешь отвезти меня, — статья «Космонавт, терпящий бедствие».

— «Космонавт, терпящий бедствие», мой Бог! Ты — не космонавт терпящий бедствие, ты — космический вымогатель. Я знаю тебя; ты годами

шатался по Системе. Ладно, на моем корабле это не пройдет. Эта статья предназначается, чтобы помочь в трудную минуту людям, которые потеряли свои корабли, а не позволять кому-либо свободно болтаться по космосу.

— Капитан, ты хочешь сказать, что я не потерял свой корабль? После последнего путешествия по найму я так и не побывал на Земле. Закон гласит, что я имею право на обратный рейс.

— Сколько лет назад это было? Ты потерял свой шанс.

— Разве? В законе нет ни слова о том, когда человек воспользуется обратным рейсом, закон говорит просто: человек его получит. Пойди, шкипер, взгляни. Если я ошибся, я не только выйду на своих двоих, но еще извинюсь смиренно перед всем экипажем. Валяй — смотри. По-спортивному.

Райслинг был готов к эху свирепого взгляда, но шкипер лишь отвернулся и выдавился из отсека. Райслинг знал, что использовал слепоту, чтобы поставить капитана в безвыходное положение, но это его не смущало — скорее уж Райслинг наслаждался.

Десятью минутами позже прозвучала сирена, по бычьему рогу переговорки он услышал при-

казы для внешних постов. Когда мягкий вздох шлюзов и легкий звон в ушах не дали ему знать, что отрыв от земли неминуем, он встал и пошаркал вниз, в машинное отделение, так как хотел быть поближе к двигателям, когда те рванут. На корабле класса «ястреб» провожатый ему не требовался.

Неприятности начались во время второй вахты. Райслинг развалился в инспекторском кресле, поигрывая клавишами аккордеона и пытаясь разродиться новой версией «Зеленых холмов».

Глотнуть бы воздуха без нормы
Там, где родился я на свет…

и та-ра-ра-ра-ра-ра «Земли» — как надо не паковались. Он попробовал еще раз.

Пускай меня излечат ветры,
Те, что обвили, облегли
Грудь милой матери-планеты,
Прохладные холмы Земли.

Уже лучше, подумал он.

— А как тебе это нравится, Арчи? — спросил он сквозь приглушенный рев двигателей.

— Ничего себе. Давай-ка трави целиком.

Арчи Макдугал, старший джетмен, был старым

другом по космосу и барам одновременно; много лет и миллионов миль назад он ходил в подручных у Райслинга.

Райслинг сделал ему одолжение песней, затем сказал:

— Вам, салагам, сладко живется. Все автоматическое. Когда я крутил такой красотке хвост, спать не приходилось.

— Да и нам, салагам, пока не удается.

Они поболтали на профессиональные темы; и Макдугал показал дампинг прямого действия, заменивший ручные верньеры, которыми пользовался Райслинг. Райслинг щупал рычаги и задавал вопросы, пока не ознакомился с новой установкой. У него все еще оставалась самонадеянная уверенность, что он по-прежнему джетмен, а его нынешнее занятие трубадура — просто уловка во время одного из пустяковых недоразумений с Компанией, мол, с кем не бывает.

— Вижу, что у тебя все еще стоят старые ручные дампинг-блины, заметил он, порхая ловкими пальцами по приборам.

— Все, кроме приводов. Я их отсоединил: они заслоняли шкалы.

— Тебе следует держать их в готовности. Может пригодиться.

— Ну, не знаю. Я думаю…

Райслинг так никогда и не узнал, что думал Макдугал, ибо в этот миг на волю вырвалась неприятность. Макдугал поймал ее сразу и непосредственно: радиоактивный пучок сжег его на месте.

Райслинг почуял, что случилось. Сработали въевшиеся рефлексы прежнего образа жизни. Он захлопнул заглушку и одновременно дал аварийный сигнал на контрольный пульт. Затем Райслинг вспомнил о свинченных приводах. Ему пришлось долго шарить по углам, пока он не нашел их. В то же время он пытался выжать максимум пользы из радиационных экранов. Его волновало только, где лежат приводы. Все остальное здесь было для него на свету, как в любом другом месте; он знал каждую кнопку, каждый рычаг так же, как знал клавиши своего аккордеона.

— Машинное! Машинное! Что за тревога?

— Не входить! — крикнул Райслинг. — Здесь «горячо».

Это «горячо», подобно солнцу пустыни, он чувствовал лицом и костями.

После проклятий на все дурные головы за неудачу с гаечным ключом, который был ему

нужен, он поставил приводы на место. Затем предпринял попытку исправить положение вручную. Работа была долгая и деликатная. Но вскоре он понял, что следует развалить двигатель, реактор и — все.

Первым делом он доложился:

— Контроль!

— Контроль, айе!

— Развалить третий двигатель — авария.

— Это Макдугал?

— Макдугал мертв. Райслинг на вахте. Оставайтесь на связи.

Ответа не было; шкипер мог быть ошарашен, но не мог вмешаться в аврал машинного отделения. Он должен был считаться с кораблем, пассажирами и экипажем. Двери пришлось оставить закрытыми.

Должно быть, еще больше капитан удивился тому, что Райслинг послал на запись. Вот что это было:

Мы на гнилой Венере пухли,
Где тошнотворен каждый вздох,
Где падалью смердели джунгли
И гибелью сочился мох.

Во время работы Райслинг переписал всю Сол-

нечную систему: «…острые, яркие скалы Луны… радужные кольца Сатурна… морозные ночи Титана…», все это пока открывал и разваливал двигатель, и пока удил его начисто. Завершил он дополнительным припевом:

Пылинку в небе мы отыщем,
Глядишь — и в списки занесли.
Вернуться бы к людским жилищам
На ласковых холмах Земли…

…затем в рассеянности вспомнил, что хотел присоединить исправленный первый куплет:

А в небесах полно работы
И ждут, и манят нас они.
Готовность! Старт! И пропасть взлета!
Внизу — увядшие огни.

В путь, сыновья великой Терры.
Могучий двигатель ревет.
Отринув страх, не зная меры,
Вперед и ввысь! И вновь — вперед!

Теперь корабль был в безопасности и мог спокойно дохромать до дома без одного двигателя.

Относительно себя Райслинг не был так уверен. «Ожог» кажется острым, думал он. Райслинг не мог видеть яркий розовый туман, клубящийся в отсеке, но знал, что он есть. Райслинг продолжил реанимацию продуванием воздуха через внешний клапан, и повторил это несколько раз, стараясь понизить уровень радиации так, чтобы его смог выдержать человек в соответствующих доспехах. Занимаясь этим, он послал еще один припев, последний кусочек подлинного Райслинга, который когда-либо мог быть:

А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли.